

Умберто Эко Миграция, терпимость и нестерпимое filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Умберто Эко Миграция, терпимость и нестерпимое.

1. Миграции третьего тысячелетия.

Год 2000-й приближается. Не будем здесь дискутировать о том, когда наступит новое тысячелетие – в полночь ли 31 декабря 1999-го или в полночь 31 декабря 2000 года, как подсказывают математика и хронология. В области символов и математика, и хронология – это не более чем мнения. Число 2000 несомненно выглядит магически, трудно отрешиться от его очарования после всех романов прошлого века, где предвкушались чудесные свершения 2000 года. С другой стороны, нас извещали, что, кстати о хронологии, все компьютеры сойдут с ума (потому что перепутаются даты) именно 1 января 2000 года, а вовсе не 1 января 2001-го. Так что, хотя наши ощущения и неуловимы и сумбурны, компьютеры-то не ошибаются, даже когда они ошибаются: и коль они ошибаются 1 января 2000 года, значит, безошибочен именно этот год. Для кого магичен год 2000-й? Для христианской цивилизации, естественный ответ, так как именно она отмечает два тысячелетия с предполагаемого момента рождения Христа (хотя мы знаем, что Христос не родился в год 0-й нашей эры). Нельзя говорить «для западного мира», потому что христианство распространяется и на некоторые восточные страны, и в то же время к «западному миру» относится Израиль, который учитывает нашу систему летосчисления (Common Era), но по существу ведет нумерацию лет совершенно иным образом.

С другой стороны, в XVII столетии протестант Исаак де ла Пейрер обнаружил, что китайские хронологии восходят ко временам гораздо более стародавним, чем еврейская история, и выдвинул гипотезу, согласно которой первородный грех ложится только на потомство Адама, но не на иные народы, рожденные задолго до того. Де Пейрера, разумеется, объявили еретиком, но, прав ли он был или крив с теологической точки зрения, он сумел подметить то, что ныне никем не ставится под сомнение: разное для разных цивилизаций летосчисление отражает разность теогонии и историографии, и христианство – это лишь один из вариантов. (Хочу добавить, что традиционная помета «Анно Домини» не настолько уж старинна, как принято полагать, потому что даже еще в Высокое средневековье события датировали не от Рождества Христова, а от предполагаемого сотворения мира.)

Убежден, что двухтысячный год будет праздноваться и в Сингапуре, и в Пекине, поскольку европейская модель воздействует на прочие модели. Все, скорее всего, будут прославлять наступление года 2000-го, при этом большинство народов Земли тем самым воздаст дань коммерческой условности, а не искренней убежденности. Если в Китае имелась цветущая цивилизация еще до нашего нулевого года (в те же века, кстати, цвели и цивилизации Средиземноморского бассейна; а мы почему-то употребляем для эпохи Платона и Аристотеля определение «дохристианская»), – какой смысл имеет празднование третьего тысячелетия? А смысл тот, что торжествует модель, которую предлагаю называть не «христианской» (так как 2000 год будет праздноваться и атеистами), а «европейской» и которая после открытия Христофором Колумбом Америки (на что американские индейцы возразят, что не мы открыли их, а они нас) стала моделью в такой же степени американской.

Когда мы будем праздновать переход за рубеж 2000, какой год настанет у мусульман, у австралийских аборигенов, у китайцев? Мы, конечно, не обязаны задаваться этим вопросом, 2000 год наш, это европоцентристское событие, наше внутреннее дело. И все же спрошу: не говоря уж о том, что европоцентристская модель предлагается для американской реальности, хотя Америка состоит и из африканцев, и из людей Востока, и из туземных индейцев, им с Европой идентифицироваться неестественно, – сохраняем ли до сих пор право даже мы, европейцы, идентифицировать себя с европоцентристской моделью?

Несколько лет назад в Париже открыли Всемирную академию культуры для деятелей науки и искусства всех стран мира, и был составлен соответствующий устав, так называемая Хартия. Одна из преамбул этой самой Хартии, определявшей, в частности, научные и моральные задачи академии, звучала так: в будущем тысячелетии в Европе будет наблюдаться крупномасштабная «метизация культур».

Если только ход событий по какой-либо причине не повернет резко вспять (так как все возможно), мы должны приготовиться и ожидать, что в следующем

Умберто Эко Миграция, терпимость и нестерпимое filosoff.org тысячелетии Европа начнет напоминать Нью-Йорк или многие государства Латинской Америки. Нью-Йорк ярко опровергает собой идею *melting pot*. В Нью-Йорке сосуществует множество культур: пуэрториканцы и китайцы, корейцы и пакистанцы. Некоторые группы слились (итальянцы с ирландцами, евреи с поляками), другие бытуют сепаратно: живут в отдельных кварталах, говорят на различных языках и соблюдают несходные традиции. Все со всеми увязаны подчинением общим законам, и все употребляют некий стандартный обслуживающий язык общения – английский, – которым все владеют неудовлетворительно. Прошу учесть, что в Нью-Йорке, в котором так называемое «белое» население, того и гляди, окажется в меньшинстве, 42 % белых – евреи, другие 52 % имеют самые различные корни, а так называемых *wasps*, (белых-англосаксов-протестантов) среди них меньшинство (ибо поляки, итальянцы, выходцы из Латинской Америки, ирландцы и многие другие являются католиками).

В Латинской Америке, в зависимости от места, ситуации самые пестрые. Где-то испанские колонии метизовались с индейцами. Где-то, скажем в Бразилии, еще и с африканцами, и родились так называемые «креольские» языки и нации. Даже пользуясь расистскими понятиями «крови», очень нелегко различить, каковы корни мексиканца или перуанца: европейские или же туземные, не говоря уж о выходцах с Ямайки.

Так вот, Европу ожидает именно такое будущее, и ни один расист, и ни один ностальгирующий реакционер ничего тут поделать не сможет.

Для дальнейшего разговора попробуем отграничить понятие «иммиграция» от понятия «миграция».

Иммиграцией называется переезд кого-либо (или даже многих, но в числе статистически нерелевантном) из одной страны в другую (примеры: итальянцы или ирландцы иммигрировали в Америку или турки в нынешнее время – в Германию). Феномены иммиграции могут быть проконтролированы политическими средствами, ограничены, поощрены, запрограммированы или приняты как данность.

С миграциями все обстоит иначе. Бурные или мирные, они всегда как стихийные бедствия: случаются, и ничего не поделаешь. В ходе некоторых миграций представители целого народа постепенно переселяются из одного ареала в другой. И не столько значения имеет, какое их число осталось на исходной территории, сколь важно, в какой мере они переменили культуру на территории прибытия. Известны великие миграции с востока на запад, тогда народы с Кавказа повлияли и на культуру, и на биологическую наследственность западных наций. Известны миграции так называемых «варваров», которые наводнили Римскую империю и породили новые царства и новые культуры, прозванные «романо-варварскими» или «романо-германскими». Состоялась европейская миграция на американский континент, как от восточного берега вдаль и вдаль, до самой Калифорнии, так и от Карибских островов и Мексики на юг и на юг, вдоль до самой Огненной Земли. Хотя отчасти это заселение и программировалось политически, я все же именую его миграцией, потому что белые, приехавшие из Европы, не переняли обычаи и культуру местных, а основали новое общество, к которому даже местным (тем, кто остался жив) пришлось адаптироваться.

Мы знаем прерванные миграции, к примеру продвижение арабских народов на Пиренейский полуостров. Знаем формы запрограммированной, точечной, но не менее влиятельной миграции – населения Европы на восток и на юг (что привело к образованию так называемых постколониальных наций), при которой мигранты коренным образом изменили культуру автохтонных народов. До сих пор не разработана феноменология типов миграции, но понятно, что миграция и иммиграция – принципиально разные вещи. Мы имеем дело с простой иммиграцией в случаях, когда иммигранты (впущенные в страну по политическому решению) в значительной мере усваивают обычаи края, куда они попали. И перед нами миграция в тех случаях, когда мигранты (от которых невозможно оборонить границы) коренным образом преобразуют культуру ареала, где расселяются.

На фоне XIX столетия, видевшего толпы иммигрантов, в нашем веке сложно квалифицировать многие феномены. Легкость перемещений несказанна, и крайне трудно определить, имеем ли мы дело с иммиграцией или же с миграцией. Безусловно, наблюдается неудержимое движение с юга на север (африканцев и выходцев с Ближнего Востока – в Европу), индийцы наводнили собой Африку и острова Тихого Океана, китайцы присутствуют везде, японцы в виде своих

Умберто Эко Миграция, терпимость и нестерпимое filosoff.org
производственных и экономических структур тоже присутствуют везде, хотя физически и не снимаются с места в массовом порядке.

Как отличить иммиграцию от миграции, если вся планета стала пространством сплошных перемещений? Думаю, что различить можно. Как уже было сказано, иммиграция поддается политическому контролю, а миграция нет; миграция сродни явлению природы. Пока речь идет об иммиграции, можно надеяться удержать иммигрантов в гетто, дабы они не перемешивались с местными. В случае миграций гетто немислимы и метизация, становится неуправляемой.

Феномены, которые Европа все еще пытается воспринимать как иммиграцию, в действительности представляют, собой миграцию. Третий мир стучится в двери Европы и входит в них, даже когда Европа не согласна пускать. Проблема состоит не в том, чтобы решать (политики любят делать вид, будто они это решают), можно ли в Париже ходить в школу в парандже, или сколько мечетей надо построить в Риме. Проблема, что в следующем тысячелетии (я не пророк и точную дату назвать не обязываюсь) Европа превратится в многоцветный, или, если предпочтаете, в многоцветный континент. Нравится вам это или нет, но так будет. И если не нравится, все равно будет так.

Эта смывка (или стычка) культур может привести к кровавым последствиям, и я уверен, что в определенной степени эти последствия проявятся, и будут неизбежны, и будут тянуться долго. Однако расисты (по теории) должны быть вымирающей расой. Какой-то римский патриций не мог снести, что гражданами Рима становились и галлы, и сарматы, и евреи, такие, как св. Павел, и что на императорский трон стало можно претендовать даже африканцам (куда они и водрузились в конце концов). Этот патриций теперь забыт, история вытерла о него ноги. Римская цивилизация была цивилизацией метисов. Расисты скажут, что потому она и развалилась. Но на развал ушло пять сотен лет. Я сказал бы, что подобный прогноз позволяет и нам строить планы на будущее.

2. Нетерпимость

Принято считать фундаментализм и интегрализм тесно связанными понятиями и двумя наиболее явными формами нетерпимости. Я лезу в превосходные словари, такие, как «Малый Робер» и «Исторический словарь французского языка», и нахожу под определением «фундаментализм» прямую отсылку к «интегрализму». То есть нас подталкивают к выводу, что все фундаменталисты – интегралисты, и то же верно для обратного.

Будь даже это справедливо, и то не значило бы, что все нетерпимцы являются фундаменталистами и интегралистами. Хотя в настоящий момент мы и сталкиваемся с различными формами фундаментализма, хотя проявления интегрализма и присутствуют повсеместно, проблема нетерпимости куда глубже и куда опаснее.

Согласно истории терминов, фундаментализмом именуется один из принципов герменевтики, относящийся к интерпретации священного текста. Современный западный фундаментализм родился среди протестантов США в XIX веке. Главная его характеристика – решение дословно интерпретировать Писание, в особенности касательно тех представлений о космологии, которые наука того времени, казалось, ставила под сомнение. Поэтому отвергались, зачастую нетерпимо, все учения, которые могли подрывать веру в библейский текст, к примеру победоносно развивавшийся дарвинизм.

Подобная форма фундаменталистской буквализации существовала издавна, даже в пору отцов Церкви велись споры между приверженцами буквы и защитниками более мягкой герменевтики, такой, к примеру, как у св. Августина. Но в современном мире жесткий фундаментализм мог быть только протестантским, если исходить из того, что, дабы быть фундаменталистом, следует считать, что истина дается интерпретацией Библии. В католической же среде, напротив, интерпретацию гарантирует авторитет Церкви, и в этой среде, следовательно, эквивалент протестантского фундаментализма может принять в крайнем случае форму традиционализма. Не стану здесь анализировать (предоставлю специалистам) природу мусульманского и еврейского фундаментализма.

Неприменно ли фундаментализм нетерпим? В плане герменевтики – непременно, но не обязательно в политическом плане. Можно вообразить фундаменталистскую секту, в которой полагается, что избранные ею имеют привилегию правильного истолкования Писания, но при этом не проводится ни под каким видом

Умберто Эко Миграция, терпимость и нестерпимое filosoff.org
прозелитизм и прочие, не избранные, не принуждаются разделять верования секты, равно как не ведется борьба за строительство политического общества, основывающегося на этих верованиях.

Под интегрализмом же понимается политическая и религиозная позиция, при которой религиозные принципы должны в то же время определять собой модель политической жизни и основу государственных законов. Если фундаментализм и традиционализм принципиально консервативны, интегрализмы бывают и прогрессистского, и революционного направления. Известны католические интегралистские направления, не являющиеся фундаменталистскими, борющиеся за общество, целиком вдохновленное религиозными принципами, но при этом не навязывающие всем буквальную интерпретацию Писания и, вполне возможно, готовые принять теологию в духе Тейяра де Шардена.

Оттенки могут быть сколь угодно тонкими. Возьмем американский случай *political correctness*. Этот принцип призван насаждать толерантность и признание любой инакости, религиозной, расовой и сексуальной, и при всем том он становится новой формой фундаментализма, которая канонизирует до степени ритуала язык повседневного общения и предпочитает букву духу – можно даже дискриминировать слепых, но с неукоснительной деликатностью именуя их «слабовидящими», а в особенности можно сколько угодно дискриминировать тех, кто отклонился от обязанности соблюдать правила *politically correct*.

А расизм? Наци-фашистский расизм был безусловно тоталитарен, претендовал на научность, но при этом в его учении о расе не было ничего фундаменталистского. Ненаучный расизм, какова современная итальянская Лига, не имеет тех культурных корней, какие были в псевдонаучном расизме (и вообще не имеет никаких культурных корней), но тем не менее это расизм.

А нетерпимость? Сводима она к этим различиям и родственным связям между фундаментализмом, интегрализмом и расизмом? Известны нерасистские формы нетерпимости (преследование еретиков или нетерпимость диктатур к оппозиции). Нетерпимость – это нечто гораздо более глубокое, располагающееся у самого истока тех феноменов, которые я проанализировал.

Фундаментализм, интегрализм, псевдонаучный расизм суть теоретические позиции, предполагающие некую доктрину. Нетерпимость предшествует всем доктринам. В этом смысле нетерпимость имеет корни биологические, она наличествует у животных в виде раздела территории, она основана на эмоциональных реакциях, зачастую поверхностных, – мы не переносим тех, кто отличается от нас, потому что кожа у них иного оттенка, потому что говорят они на языке, которого мы не понимаем, потому что едят лягушек, собак, обезьян, свиней, чеснок, потому что у них татуировки...

Нетерпимость к иному или к неизвестному естественна у ребенка, в той же мере, в какой и инстинкт завладевать всем, что ему нравится. Ребенка приучают к терпимости шаг за шагом, так же как приучают уважать чужую собственность, приучают раньше, чем он научается контролировать собственный сфинктер. К сожалению, если управлять своим телом в конце концов обучаются все, толерантность остается вечной лакуной образования и у взрослых, потому что в повседневной жизни люди постоянно травмируются инакостью. Ученые часто изучают проблемы инакости, но мало занимаются дикарской нетерпимостью, поскольку она ускользает от всякого определения и критического подхода.

А между тем вовсе не учения об инакости порождают дикарскую нетерпимость. Наоборот, эти доктрины по сути обыгрывают бесформенную нетерпимость, существовавшую изначально. Возьмем охоту на ведьм. Она порождение не темных веков, а новых времен. Трактат *Malleus Maleficarum* написан незадолго до открытия Америки, он современник флорентийского гуманизма. Сочинение *Demonomanie des sorciers* Жана Бодена вышло из-под пера человека Возрождения, жившего после Коперника. Я не собираюсь здесь описывать, почему современный мир породил теоретические обоснования охоты на ведьм. Я хочу только сказать, что это учение могло утвердиться благодаря существовавшему в народе предубеждению против ведьм. Оно встречается и в классической древности (Гораций), и в Лангобардском эдикте, и в *Summa theologica* Фомы Аквинского. Существование ведьм учитывалось в повседневной реальности, точно так же как в уголовном кодексе учитывается существование карманников. Без этих народных представлений не могла бы быть создана научная теория ведьмачества и не могла бы быть введена систематическая

Умберто Эко Миграция, терпимость и нестерпимое filosoff.org
практика преследования ведьм.

Псевдонаучный антисемитизм рождается в ходе XIX столетия, становится тоталитарной антропологией и индустриальной практикой геноцида только в нашем веке; но он бы не мог родиться, если бы не велась из глубины столетий, с самых давних времен отцов Церкви, антииудаистская полемика и если бы не практиковался деятельный антисемитизм в простонародье во всех тех областях, где существовали гетто. Антияковинские теории еврейского заговора в начале прошлого века не насадили антисемитизм в массах, а обыграли ту ненависть к инаким, которая уже существовала.

Самая опасная из нетерпимостей – это именно та, которая рождается в отсутствие какой бы то ни было доктрины как результат элементарных импульсов. Поэтому она не может ни критиковаться, ни сдерживаться рациональными аргументами. Теоретические послышки *Mein Kampf* могут быть опровергнуты залпом довольно простых аргументов, но, если идеи, которые возглашались в этом сочинении, пережили и переживут любое возражение, это потому, что они опираются на дикарскую нетерпимость, не проницаемую ни для какой критики. Мне внушает больше опасений современная итальянская Лига, чем «Национальный фронт» Ле Пена. За Ле Пеном стоит хотя бы «предательство клерков», в то время как за Босси не стоит ничего, кроме дикарских импульсов.

Вы видите, что делается в настоящее время в Италии: двенадцать тысяч албанцев высадились на наши берега в течение одной недели или десяти дней. Официально принятой и показательной моделью поведения по отношению к ним было «дать убежище». Большинство тех, кто хотел бы остановить этот человеческий поток, грозящий сделаться неудержимым, использует экономические и демографические доводы. Но любая теория утрачивает силу пред лицом ползучей нетерпимости, которая день за днем все крепнет и усиливается. Дикарская нетерпимость основывается на замкнутом круге категорий, который впоследствии перенимает любая расистская доктрина: если албанцы, проникшие в Италию в предшествующие годы, ударились большей частью в воровство и проституцию (что чистая правда), значит, все албанцы вообще или проститутки, или воры.

Этот замкнутый круг чудовищен, потому что он ежеминутно соблазняет каждого из нас, достаточно, чтоб у нас сперли чемодан в аэропорту какой-либо страны, чтоб мы вернулись домой в уверенности, что тамошним людям ни в чем доверять нельзя.

И еще, самая ужасная нетерпимость – нетерпимость людей бедных, именно они первыми впадают в неприятие инакости. Богачам расизм не присущ. Богачи произвели на свет, в крайнем случае, расистские теории; а бедные люди изобрели расистскую практику, гораздо более опасную.

Интеллигенты не могут бороться против дикарской нетерпимости, потому что пред лицом чистой животности без мыслей мысль оказывается безоружной. Однако, когда они начинают бороться против нетерпимости теоретической, бывает уже слишком поздно, потому что, если нетерпимость оформилась в доктрину, значит, бороться с ней опоздали, а те, кто должен был бы бороться, становятся самыми первыми жертвами.

И все же именно тут наша работа. Приучать к терпимости людей взрослых, которые стреляют друг в друга по этническим и религиозным причинам, – только терять время. Время упущено. Это значит, что с дикарской нетерпимостью надо бороться у самых ее основ, неуклонными усилиями воспитания, начиная с самого нежного детства, прежде чем она отольется в некую книгу и прежде чем она превратится в поведенческую корку, непробиваемо толстую и твердую.

3. Нестерпимое

Существуют раздражающие вопросы, к примеру, когда тебя спрашивают, что случилось, в ту самую минуту, когда ты только-только прикусил язык. «А ты что думаешь об этом?» – этот вопрос постоянно обращают ко мне в дни, когда все (за редкими исключениями) думают одно и то же о процессе Прибке[1]. И наступает какое-то разочарование, когда ты отвечаешь, что, разумеется, возмущен и ошарашен. Потому что, в сущности, все вопросы задаются в надежде услышать хоть слово, хоть какое-то объяснение, чтоб уменьшились возмущение и ошарашенность.

И мне почти стыдно отвечать, зарабатывать таким дешевым способом всенародный консенсус в диапазоне от Обновленной Компартии до фашистского Национального альянса. Похоже, что римский военный трибунал невероятным образом наконец объединил итальянцев. Мы все едины, все на стороне правоты.

О, если бы процесс Прибке представлял собой не более чем единичный случай, по правде говоря довольно-таки гадкий (нераскаянный злодей, трусливые члены судилища), и не вовлекал бы глубинным образом всех нас, не свидетельствовал бы о том, что и мы совсем не невинны!

Рассмотрим происшедшее в терминах действующего законодательства. Это законодательство, возможно, позволяло бы приговорить Прибке к пожизненному заключению, однако с точки зрения юриспруденции нельзя в общем сказать, что римский военный суд повел себя неожиданно. Подсудимый сознался в жутком преступлении; следовало проанализировать, имели ли место смягчающие обстоятельства, и это обязан сделать всякий суд. Так вот, то были суровые времена, Прибке был не героем, а жалким трусом, даже если бы он осознавал огромность преступления, он страшился расплаты за последствия отказа; он прикончил лишних пять человек, но всем известно, что, когда в голову ударяет кровь, человек превращается в животное; он, конечно, виноват, что говорить, но дадим ему не пожизненное заключение, а просто много лет; с точки зрения суда все аккуратно, вышел срок давности, закроем эту печальную главу. Мы ведь поступили бы так же с Раскольниковым, а он убил старуху процентщицу, и без оправданий военного времени?

Это мы, мы сами сначала выдали римскому военному суду мандат выносить решение на основании ныне действующего законодательства, а теперь выступаем с точки зрения моральных обязательств, с позиций страсти; они резонно отвечают, что работают служителями закона, а не киллерами.

Большинство возражений, в свою очередь, исходит из интерпретации того, что написано в кодексе. Прибке был обязан выполнять приказ, потому что таковы военные законы военного времени... Да, но и у наци-фашистов законы были всякие, и Прибке, если бы воспротивился несправедливому приказу, пошел бы не под военный, а под гражданский суд, потому что СС являлось добровольной организацией и составляло часть полиции... Да, но международные конвенции предусматривают право на репрессии... Да, на репрессии, но лишь при объявленной войне, а Германия вроде бы не объявляла войну Итальянскому королевству, и следовательно, немцы незаконно оккупировали Италию, и нечего им жаловаться, если партизаны, переодетые дорожными рабочими, подкладывали динамит под их военные конвои...

Нам суждено оставаться в этом заколдованном круге до тех самых пор, пока мы не заявим во весь голос, что пред лицом исключительных событий ненормально применять действующее законодательство, а следует принять ответственность и ввести новые законы и эти законы употребить.

Мы до сих пор не сделали должных выводов из эпохального события – Нюрнбергского процесса. В терминах узко понятой законности или международно принятых норм, процесс этот являлся произволом. Нас учили, что война представляет собой игру по правилам, что в ее финале побежденный король обнимается с победителем-кузеном. А вы, вместо этого, что творите? Берете побежденных и вешаете на виселице? Вот именно, отвечают те, кто организовал Нюрнберг. Мы думаем, что в этой войне происходили события, выходящие за рамки терпимого, и поэтому мы меняем правила. Однако нестерпимы эти события, победители, в вашей системе ценностей! У нас же ценности иные – что, вы их не уважаете? Нет, не уважаем, потому что победили мы, а среди ваших ценностей было превознесение силы, так вот мы и применяем силу: вешаем вас. Что же теперь будет по окончании войн? Будет, что тот, кто их развязывает, пусть знает: если он проиграл, будет повешен. Теперь он хорошо подумает, прежде чем развязывать. Но вы тоже творили жестокости! Да, но это с вашей точки зрения, а вы проиграли, а мы выиграли, и поэтому мы вешаем вас, а не наоборот. Вы принимаете на себя ответственность за такое? Мы принимаем на себя полную ответственность.

Сам я противник смертной казни, и, если бы я поймал Гитлера, я посадил бы его в тюрьму. Поэтому теперь и далее «повесить» я употребляю в символическом смысле, в смысле тяжкого и торжественного наказания. Но, если вывести за скобки виселицу, Нюрнбергский процесс безупречен. Сталкиваясь с нестерпимыми поступками, надо иметь смелость изменять правила, включая и

Умберто Эко Миграция, терпимость и нестерпимое filosoff.org
законы. Может голландский трибунал разбирать действия кого-то из Сербии или из Боснии? Согласно старым правилам – нет, согласно новым – может.

В конце 1982 года в Париже прошла конференция по проблемам вмешательства во внутренние дела, в ней участвовали юристы, военные, добровольцы-пацифисты, философы, политики. С каким правом и по каким критериям осмотрительности можно вмешиваться в дела другой страны? Как понять, происходит ли в ней нечто нестерпимое для международного сообщества?

За вычетом простого случая – страны, где остается у власти законное правительство, и оно просит помощи против чьей-либо агрессии, – все остальные случаи представляют собой материал для тончайших дистинкций. Кто может просить о вмешательстве, кроме правительства? Группа граждан? В какой степени группа граждан может представлять от целой страны, в какой степени вмешательство не прикрывает благими целями ту же агрессию и империалистические притязания (поучителен пример Сагунто[2])? Вмешиваться ли, когда то, что происходит в этой стране, противоречит нашим этическим принципам? Но совпадают ли наши этические принципы с их этическими принципами? Вмешиваться, если в этой стране тысячелетиями существует ритуальное людоедство, которое для нас кошмар, а для них – нормальное богослужение? Не так ли прошел по лицу земли белый человек со своим тяжеловесным просвещением и растоптал древние, хотя и не похожие на нашу, цивилизации?

Единственный для меня приемлемый ответ: вмешательство напоминает революцию. Не существует закона, согласно которому революция – это хорошо. Как раз наоборот, революции противоречат всем законам и обычаям. Различие между вмешательством и революцией, правда, в том, что решения о международных вмешательствах не принимаются срочно, на фоне пиковой ситуации или неконтролируемого народного восстания, а разрабатываются в процессе переговоров между различными правительствами и различными дипломатами. Обсуждая, они приходят к выводу, что при всем уважении к мнениям, обычаям, к принятой практике и к бытующим у других верованиям нечто представляется выходящим за пределы терпимого. Терпеть нестерпимое означает ущемлять собственную личность. Если нечто нестерпимо, то надо принять на себя ответственность и определить, в чем же состоит нестерпимость. А затем действовать и быть готовыми дать ответ в случае ошибки.

Когда же налицо нестерпимость неслыханная, значит, порог нестерпимости уже не совпадает с тем, который предусматривался прежними законами. Меняется порог – будем менять законы. Разумеется, при условии, что консенсус касательно закона о новом пороге нестерпимости достаточно широк, что он выходит за границы отдельной нации, что он в какой-то степени апробируется всем «сообществом». Расплывчатое условие, однако на такой же условности основана, скажем, наша общая вера во вращение Земли. Как бы то ни было, выбор делать надо.

Фашизм и уничтожение евреев обусловили изменение порога нестерпимости. Геноцидов история человечества видела немало, и более-менее мы как-то примирялись со всеми. Мы были слабы, мы были варвары, нам было неведомо, что делается за десять километров от нашего хутора... Но вот геноцид оформился в научную теорию, теория воплотилась в практику, к обществу обратились за поддержкой этой теории, в том числе и за поддержкой философской, и теория стала пропагандироваться в качестве образца к подражанию для всей планеты.

Спаслось от этого удара только наше моральное чувство, в то время как были затронуты и наша наука, и наша культура, и наши представления о добре и зле. Затронуты, поражены и почти что обнулены. Невозможно не реагировать на подобный вызов. А реагировать можно, лишь сделав все, чтобы не только непосредственно после преступлений, но и через пятьдесят лет, и в будущий век, и во веки веков то, о чем мы сейчас говорим, воспринималось как нестерпимое.

И применительно к подобной нестерпимости смрадной мерзостью кажется вся эта распространенная манера торговаться и подсчитывать, сколько было уничтожено – пять или шесть миллионов... как будто, будь их четыре, два или один, можно было бы полюбовно примириться. А если бы их не отравили газом, а они умерли бы от дурного содержания? А если бы они умерли просто от аллергии на татуированные номера?

Умберто Эко Миграция, терпимость и нестерпимое filosoff.org
Однако из подобной постановки вопроса логично проистекает вывод, что на виселицу следовало бы отправлять всех, даже тех, от чьей руки погиб всего только один человек, даже просто за неоказание помощи. Новое представление о нестерпимости распространяется не только на геноцид, но и на теоретизацию геноцида. А теоретизация охватывает очень многих и налагает ответственность даже на батраков человекоубийства. Несущественны разграничения действий и намерений, разговоры о чистосердечных заблуждениях и о человеческой ошибке. Остается только объективная ответственность. Но я же (говорят они) заталкивал людей в газовую камеру потому, что мне велели! Я на самом деле думал, будто они там купаются! Неважно, я очень сожалею, но вижу в вас образцовое проявление того, что нестерпимо, и тут не имеют силы все прежние законы со всеми их смягчающими обстоятельствами. Вас тоже мы отправим на виселицу.

Чтобы усвоить подобные правила поведения (которые распространяются и на нестерпимое будущее, вынуждающее нас день за днем решать для себя, в чем же состоит нестерпимость), общество должно быть готово к решениям, и в частности к жестким, и должно быть солидарно в принятии ответственности. Поэтому так беспокоит процесс Прибке: ощущается, что от решительности мы пока еще очень далеки. Далеки как молодые, так и старые, и далеки не одни итальянцы. Все в равной степени умыли руки: закон есть закон, так что передадим все это дело в трибунал.

Показывает ли приговор в Риме, что солидарность в определении порога нестерпимости сейчас еще более далека, чем прежде? Разумеется, нет. Она была довольно-таки далека и до суда. И это гложет и не дает покоя. Тяжко чувствовать, среди всех прочих, и самого себя в ответе за этот приговор. Тогда нечего спрашивать, по ком это там звонит колокол.

Сноски.

1 Процесс 1993–1997 гг. по военным преступлениям Рудольфа Прибке.

2 Город в Испании, в 228 году до н. э. заключивший военный союз с Римом против завоевавшего Пиренеи Ганнибала, что послужило причиной 2-й Пунической войны.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!